

ФИЛОСОФИЯ МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ОТ АРХЕТИПА К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Цой Любовь Николаевна – канд. соц. наук

Аннотация

В статье в философско-культурологическом ключе исследуется эволюция понятия «мать» в российской культурной традиции от архаических верований до современности. Опираясь на теорию архетипов К.Г. Юнга, концепцию «субстанциальной константы» русской цивилизации, а также на широкий круг этнографических, историко-философских и социологических источников, автор реконструирует логику развития образа матери в хронологической последовательности: языческая Мать-Сыра-Земля, христианская Богородица, советская Родина-мать и постсоветские трансформации. Особое внимание уделяется теме «матери на войне» как ключевому сюжету, в котором наиболее полно раскрываются архетипические функции защиты, скорби и милосердия. Выявлены объективные и субъективные проблемы современного материнства в России, систематизированы символические типы матери («защитница», «благословляющая», «хранительница», «скорбящая»). Показано, что архетип Матери выступает онтологическим основанием российской цивилизации, сохраняющим устойчивость в периоды социальных катаклизмов и определяющим векторы государственной семейной политики.

Ключевые слова: архетип Матери, философия материнства, Мать-Сыра-Земля, Богородица, Родина-мать, мать на войне, советская семейная политика, постсоветская трансформация, традиционные ценности, субстанциальная константа.

Оглавление

Введение

Глава 1. Архетипические истоки: языческая Мать-Сыра-Земля

- 1.1. Этимология и праиндоевропейские корни
- 1.2. Мать-Сыра-Земля как космологическое начало
- 1.3. Рожаницы и темные материнские образы

Глава 2. Христианская трансформация: синтез язычества и православия

- 2.1. Богородица как идеальный архетип матери
- 2.2. Параскева Пятница как медиатор
- 2.3. Философское осмысление материнства в русской религиозной философии

Глава 3. Советский проект: конструирование «новой матери»

- 3.1. 1920-е годы: революционный эксперимент
- 3.2. 1930-е годы: от «освобожденной» к «матери-общественнице»
- 3.3. 1940-е годы: мать на войне — защитница и скорбящая
- 3.4. Нравственный выбор матери на войне: повесть «Матерь человеческая»
- 3.5. 1970-е годы: матери в борьбе за мир

Глава 4. Постсоветская трансформация: кризис и поиск идентичности

- 4.1. 1990-е годы: крушение советского архетипа и западное влияние
- 4.2. Устойчивость архетипической основы

Глава 5. Современная государственная политика (2007–2025)

- 5.1. Мюнхенская речь как точка бифуркации
- 5.2. Типология символических архетипов матери
- 5.3. Мать на войне: современный контекст СВО
- 5.4. Трансформация медийного образа

Глава 6. Проблемы материнства в современной России

- 6.1. Объективные проблемы
- 6.2. Субъективные проблемы

Глава 7. Ценности, сохраняемые Россией

- 7.1 Сравнительная таблица: Эволюция архетипа матери в России и его генетическая преемственность в государственной политике

Глава 8. Экзистенциальные и социальные конфликты материнства: универсальные проблемы и противоречия

- 8.1. Проблема самоидентичности: между «предназначением» и «выбором»
- 8.2. Конфликт личных границ: растворение себя в материнстве
- 8.3. Экзистенциальный конфликт: материнский дефицит и травма
- 8.4. Ролевой конфликт: между семьей, работой и самореализацией
- 8.5. Конфликт репрезентаций: между идеалом и реальностью
- 8.6. Конфликт в семейной системе: насилие и деструктивные паттерны
- 8.7. Конфликт симбиоза и сепарации: психология ранних отношений
- 8.8. Объективные социально-экономические проблемы
- 8.9. Пути преодоления: восстановление целостности
- 8.10. Конфликтогенность материнства: источник и проявление социальных противоречий

Заключение

Словарь понятий

Литература

Введение

Материнство принадлежит к числу фундаментальных, архетипических оснований человеческого бытия. Как отмечает Е.Ю. Воробьева, в эпоху деконструкции метафизики модерна и гипертурбулентности настоящего «все так же актуален поиск незыблемых опор изменчивого бытия», и в качестве такой опоры может быть рассмотрен архетип Матери как субстанциальная константа русской цивилизации [8, с. 1]. Философское осмысление материнства позволяет выявить глубинные смысловые слои, которые в прикладных науках (демографии, социологии, психологии) остаются за рамками рассмотрения. Как справедливо указывает Е.В. Шамарина, «утрачена смысловая глубина в понимании и принятии материнства как ценности», а если ценностная определенность и существует, то лишь в узкоспециализированных областях, тогда как «это емкое целостное явление нуждается в соответствующем научном подходе, основанном на целостном восприятии и целостном взгляде на проблему» [7, с. 7].

Цель настоящего исследования — проследить эволюцию образа матери в российской культуре в диахронической перспективе, выявив ключевые архетипические инварианты и их исторические трансформации. Особое внимание уделяется теме «матери на войне» как сюжету, в котором наиболее выпукло проявляются такие функции архетипа, как защита, скорбь, милосердие и собиранье. Методологическую основу исследования составляют гендерно-архетипический подход, метод палимпсеста (позволяющий выявить многослойность культурных напластований), компаративистика, а также элементы социально-конструктивистского анализа [8, с. 2]. Работа опирается на концепцию архетипов К.Г. Юнга, понимаемых как «врожденные программы в психике человека, стереотипы восприятия, основанные на ценностях культуры, воплощенных в сказках, мифах, легендах, сказаниях, религиозных верованиях» [10, с. 115].

Глава 1. Архетипические истоки: языческая Мать-Сыра-Земля

1.1. Этимология и праиндоевропейские корни

Лексема «мать» принадлежит к древнейшему пласту индоевропейской лексики. Она встречается во всех славянских языках и восходит к праиндоевропейскому *matere, что подтверждается данными сравнительно-исторического языкознания: лит. motė, др.-инд. mātā, авест. mātar-, лат. mater, греч. μήτηρ, тохар. mācar [2]. В основе лежит детское *ma- из лепета младенцев, что свидетельствует об универсальном, дорефлективном характере этого понятия.

1.2. Мать-Сыра-Земля как космологическое начало

Центральное место в славянской мифологической картине мира занимает образ Матери-Сырой-Земли — персонифицированной земли, мыслившейся матерью всех живых существ, средоточием плодородия и жизни. Как отмечает О.И. Пушкина в монографии «Архетип Матери в мифорелигиозной картине мира восточных славян», этот образ «восходит к глубокой древности — по меньшей мере к праиндоевропейской эпохе, о чем свидетельствуют многочисленные параллели в мифологиях индоевропейских народов: Деметра (лингвистически прямой аналог древнерусского "Земь-матерь") в греческой, Анахита в иранской, Жемина в литовской» [3, с. 45].

В славянской традиции Земля понималась как супруга Неба (или бога-Громовержца). Выражение «Мать — Сыра Земля» обозначает землю, оплодотворенную небесной влагой и готовую родить. Земля — символ материнства и женского начала: принимая в себя семена, она беременеет и дает новый урожай; она всеобщая Мать и кормилица: живых питает, а мертвых к себе принимает. Эта двойственная функция — дарение жизни и принятие смерти — отражает амбивалентность архетипа, характерную для архаического сознания.

В русских духовных стихах пересохшая, бесплодная Земля сравнивается со вдовой. Перед началом сева крестьяне обращались к святым с просьбой «напоить Мать — Сыру Землю студеной росой, чтобы принесла она зерно, всколыхала его, возвратила его большим колосом» (орловская губерния). В «Сказании о Мамаевом побоище» перед Куликовской битвой Мать-Земля проливает слезы о грядущей гибели своих сыновей — русских и татар, что свидетельствует о восприятии земли как всеобщей матери, оплакивающей всех павших.

1.3. Рожаницы и темные материнские образы

Наряду с космологическим образом Матери-Земли в славянской мифологии существовали персонажи, определявшие судьбу новорожденного — рожаницы (суженицы, орисницы). Обычно их три; они «наговаривали судьбу новорожденному или дарили подарок, определяющий его будущую жизнь» [3]. Чтобы не нажелали плохого, их задабривали угощениями, чистой скатертью, цветами. В средневековых русских поучениях против язычества вместе с рожаницами упоминается Род, с которым они выступали как покровители рода и податели судьбы потомкам.

Амбивалентность архетипа проявляется в наличии как светлых, так и темных материнских образов. К последним относятся Баба-Яга, русалки, богинки, вештицы — персонажи, которые либо вредят роженицам и новорожденным, либо похищают детей. Однако даже Баба-Яга амбивалентна: в некоторых сюжетах она помогает герою, выступая как инициационная фигура.

Глава 2. Христианская трансформация: синтез язычества и православия

2.1. Богородица как идеальный архетип матери

С принятием христианства на Руси произошло сложное взаимодействие языческих и христианских представлений. Как отмечает Е.Ю. Воробьева, применяя метод палимпсеста, «образы коллективного бессознательного являются составной частью картины мира и проникают в структуру бытия», при этом исследователь архетипов рано или поздно приходит к констатации их многослойности, «уходящей корнями в субстанциальные глубины» [8, с. 3].

Богородица в народном сознании воспринималась не столько как историческая личность, сколько как идеальный архетип матери-заступницы. Она мыслилась «Защитницей и Покровительницей Земли Русской». В народных духовных стихах Богородица предстает как скорбящая мать, оплакивающая сына, что находило глубокий отклик в крестьянской среде. Как подчеркивает Н.А. Бердяев, «русский народ всегда любил жить в тепле

коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. <...> Русская религиозность — женственная религиозность... Это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы, религия матери-Земли, женского божества, освещающего плотский быт» [цит. по: 8, с. 5].

Икона Богоматери Владимирской, по преданию, шесть раз спасала Москву от разорительных набегов — в 1395 году от Тамерлана, в 1480 году — от хана Ахмата, в 1521 году от казанского хана Махмет-Гирея. Этот образ заступницы органично соединился с дохристианскими представлениями о Матери-Земле, оберегающей своих детей.

2.2. Параскева Пятница как медиатор

Особое место в народном христианстве занимает образ Параскевы Пятницы, которая воспринималась как покровительница женщин и материнства. В ее образе слились черты языческой богини Мокоши — единственного женского божества в древнерусском пантеоне, связанного с женскими работами, прядением и судьбой. Параскева выступает в роли повивальной бабки, защитницы рожениц.

2.3. Философское осмысление материнства в русской религиозной философии

В русской религиозной философии конца XIX — начала XX века тема материнства получила глубокое метафизическое осмысление. Как отмечает М.А. Дидык, «философия, по мнению многих русских философов, имеет женскую природу, как, собственно, и сама Россия. И тому есть яркие примеры — произведения "Душа России" Николая Бердяева или "Русская идея" Владимира Соловьева» [1].

Владимир Соловьев рассматривал любовь как «определенный стержень, остов», как «самое высокое чувство. Это тот стержень, который дает возможность человеку, с одной стороны, быть уверенным и устойчивым, а с другой — дает свободу, в том числе свободу выбора» [1]. Материнская любовь в его интерпретации предстает как онтологическая основа человеческого бытия.

Образом матери в христианской традиции является святая Моника, мать блаженного Августина. Как рассказывает Дидык, «она была спокойной, кроткой, умной, воспитанной женщиной и очень хотела, чтобы муж и дети уверовали в Христа также, как она. <...> Августин принял святое крещение и это была высшая радость для его матери. И, если говорить о том, как философы увековечивали своих матерей, то святой Августин в "Исповеди" как раз описывает своей диалог с матерью» [1]. Святая Моника считается покровительницей всех женщин, и в День матери христиане обращаются к ней.

Глава 3. Советский проект: конструирование «новой матери»

3.1. 1920-е годы: революционный эксперимент

После революции 1917 года большевики предприняли попытку радикального пересмотра традиционных семейных ценностей. Как отмечают Э.Р. Фахрудинова и В.В. Суворов, в статье «Философия материнства: от ценностей марксизма к ценностям общества потребления» подчеркивается, что марксистская философия предложила принципиально новое понимание материнства, связанное с идеей социального равноправия и освобождения женщины от «домашнего рабства» [9, с. 1405].

Александра Коллонтай, идеолог «новой женщины», пропагандировала «революцию быта», освобождение женщины от «семейного эгоизма» и передачу функций воспитания детей государству. В этот период возникают утопические проекты обобществления детей, которые, впрочем, не были реализованы в полной мере. Как показывают исследования, тема «огосударствления» детей является во многом надуманной, а проблемы детства удавалось решать лишь благодаря объединению усилий государства и общественности.

3.2. 1930-е годы: от «освобожденной» к «матери-общественнице»

Ключевой период формирования советского архетипа матери — 1930-е годы. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов» ознаменовало поворот от либеральной политики к пронаталистской. В это время формируется образ «матери-общественницы» — женщины, которая, будучи ударницей производства, успешно совмещает трудовые подвиги с воспитанием детей. В журнале «Работница» появляются статьи с характерными названиями: «Вырастила и воспитала восемь ударников», «Воспитываю трех дочерей в культурной обстановке» [4, с. 130].

Как отмечает Е.В. Болотова, «"освобождение и равноправие", которое было заявлено в 1920-е гг., вскоре, по сути, превратилось в оправдание двойной нагрузки — оставаясь ударницей и общественницей, она должна была соответствовать идеалу здоровой матери здорового ребенка» [цит. по: 9, с. 1406].

3.3. 1940-е годы: мать на войне — защитница и скорбящая

Великая Отечественная война стала временем тяжелейших испытаний и одновременно моментом наивысшей актуализации архетипа матери. 8 июля 1944 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям», учреждавший почетное звание «Мать-героиня» для матерей, родивших и воспитавших десять и более детей, а также орден «Материнская слава» трех степеней и «Медаль материнства».

В культуре военных лет формируются несколько ключевых образов матери:

1. **Мать, провожающая сына на фронт** — архетип «благословляющей», дающей напутствие на защиту Родины.
2. **Мать, скорбящая о погибших** — архетип «скорбящей», оплакивающей детей.
3. **Мать-медсестра, спасающая раненых** — архетип «защитницы» и «целительницы».

Особое место занимает плакат И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» (1941), где женская фигура с военной присягой в руке олицетворяет одновременно мать и Родину, призывающую на защиту.

3.4. Нравственный выбор матери на войне: повесть «Матерь человеческая»

Наиболее глубокое художественное осмысление темы матери на войне представлено в повести В.А. Закруткина «Матерь человеческая». Сюжет повести строится вокруг нравственного выбора Марии, потерявшей по вине фашистов всех близких и обнаружившей в погребке раненого немецкого солдата. Как отмечается в анализе произведения, «ярость ослепляет ее: "...лежал один из них, полураздавленный, недобитый гаденыш..." — эти слова имеют особую стилистическую окраску и передают презрение и отвращение героини» [5].

Однако в момент, когда Мария готова совершить убийство, раненый вскрикивает: «Мама!». Этот вскрик «так сильно подействовал на сердце героини потому, что в нем остались человечность и сострадание, в этот момент исчезает "туман" слепой злобы, и она видит уже не "недоростка", а его "светло-голубые, мокрые от слез мальчишеские глаза..."» [5]. Автор показывает, что именно материнское начало — способность к милосердию и состраданию — оказывается сильнее ненависти, порожденной войной.

Этот сюжет глубоко архетипичен: он восходит к евангельской заповеди любви к врагам и одновременно к языческому представлению о матери как о всеобщей заступнице. Как справедливо отмечается в анализе, «автор не отрицает вины врага, но говорит о милосердии, только оно способно остановить взаимную ненависть, порожденную войной. Он напоминает о доброте и любви через одно слово, доступное для понимания всем — "мама"» [5].

3.5. 1970-е годы: матери в борьбе за мир

В 1970-е годы формируется специфический советский проект «женщины-матери, борющейся за мир во всем мире». Как показывают Е.С. Черепанова и М.А. Янцен, этот проект был «феноменом постконфликтной культуры 1970-х годов, которая формировалась под влиянием предшествующей практики осмысления итогов Великой Отечественной войны, определившей отношение к новым военным конфликтам этого периода» [4, с. 126].

Исследователи выявляют противоречащие друг другу тенденции: с одной стороны, женщину ориентировали «стать еще более современной, свободно реализующей себя (в том числе как активной участницы борьбы за мир) в условиях развитой поддержки со стороны государства»; с другой стороны, «был реактуализирован традиционный смысл материнства, вновь понимаемый как неотъемлемое качество женственности» [4, с. 128]. Проектирование женщины-матери рассматривается на четырех уровнях: концептуализация военных конфликтов, нравственная оценка войны, визуальные образы матерей, борющихся за мир, и воплощенный идеал.

Глава 4. Постсоветская трансформация: кризис и поиск идентичности

4.1. 1990-е годы: крушение советского архетипа и западное влияние

Распад СССР ознаменовал глубочайший кризис культурных идентичностей, включая трансформацию архетипических представлений о материнстве. Как отмечает О.В. Токарева, «в условиях "тектонических сдвигов глобальной трансформации" для современного общества возникает проблема определения культурной идентичности. Кто мы? Каковы наши глубинные корни, определяющие нашу культуру? Что поможет нашему выживанию в противостоянии с силами, размывающими наши традиционные ценности семьи...?» [10, с. 114].

С разрушением «железного занавеса» на постсоветское пространство хлынул поток западной массовой культуры, транслировавшей принципиально иные модели женственности и материнства. В исследовании эволюции образа женщины в рекламе отмечается: если в Советском Союзе женщина представляла понятия «работница – мать – гражданка», то начиная с 1990-х годов это различие исчезло — «в обеих странах женщина в рекламе представлялась объектом сексуальной привлекательности, красоты и потребления» [10, с. 119].

Э.Р. Фахрудинова и В.В. Суворов фиксируют более глубокий сдвиг: «В условиях преобладания материальных ценностей общества попытки сохранить идею равенства полов и поддержки женщины-работника и женщины-матери, восходящие к марксистской философии, приводят к развитию крайних форм отношения к материнству в виде "чайлдфри", превращению детей в показатель статуса и продукт договора, использованию суррогатного материнства как способа улучшения женщинами своего материального положения» [9, с. 1408].

4.2. Устойчивость архетипической основы

Несмотря на все трансформации, глубинные архетипические структуры сохраняются. Исследования языковой картины мира не фиксируют существенных сдвигов в восприятии образа матери на протяжении постсоветского периода. Ассоциативные эксперименты показывают, что русские воспринимают мать прежде всего как женщину и родителя, на первый план выходят социальные функции матери, а образ матери наиболее тесно связан с образами отца, любви и детей.

Как отмечает О.В. Токарева, «образы коллективного бессознательного являются составной частью картины мира и проникают в структуру бытия. Несмотря на социальные изменения, вызовы, встающие перед народом и страной, остались теми же, что и сотни лет назад. И ответы на эти вызовы остаются прежними, базирующимися на свойствах архетипа Матери вообще, и особенностях, формирующих цивилизационный архетип в его универсальном и уникальном измерениях» [8, с. 3].

Глава 5. Современная государственная политика (2007–2025)

5.1. Мюнхенская речь как точка бифуркации

10 февраля 2007 года Владимир Путин выступил на Мюнхенской конференции по безопасности с речью, которая стала программным документом российской внешней

политики на последующие десятилетия. Президент подверг критике однополярную модель мироустройства, расширение НАТО на восток и вмешательство США в дела других государств. Символично, что именно 2007 год стал временем введения принципиально новой меры государственной поддержки материнства — федерального материнского капитала.

Как отмечает Е.В. Шамарина, «изменение всей системы ценностей является одним из маркирующих признаков кризиса культуры. Трансформация сущности материнства и снижение его роли в обществе, в культуре современной России свидетельствуют об утрате им статуса универсальной ценности. Для его восстановления требуется возвращение к истокам, чтобы, пройдя снова весь путь теоретического философского осмысления материнства, обрести понимание причин изменения его статуса» [7, с. 12].

5.2. Типология символических архетипов матери

На основе анализа скульптурных композиций постсоветского пространства О.В. Токарева предлагает классификацию символических типов образа матери:

Тип	Характеристика	Примеры
«Защитница»	Мать, стоящая на страже, оберегающая детей и Родину	Монументы матерям, провожавшим сыновей на фронт [10, с. 117]
«Благословляющая»	Мать, дающая напутствие, благословляющая на подвиг	Памятники матерям, отправляющим сыновей на войну [10, с. 117]
«Хранительница»	Мать, оберегающая домашний очаг, сохраняющая традиции	Скульптурные композиции с детьми [10, с. 118]
«Скорбящая»	Мать, оплакивающая погибших детей	Мемориалы жертвам войн [10, с. 118]

Как отмечает исследователь, «конструкции женского политического имиджа с позитивными характеристиками архетипа "матери" будут принадлежать черты защитницы, кормилицы, сочувствующей, сопереживающей, благословляющей матери. Такая мать отличается мудростью, спокойствием и заботой. Имидж с такими характеристиками способен обеспечить условия общепринятого одобрения и легитимацию женщины как политического лидера» [10, с. 115].

5.3. Мать на войне: современный контекст СВО

После начала Специальной военной операции в 2022 году символическая нагрузка образа матери многократно усилилась. Актуализируются архетипические функции собирательства, защиты, скорби.

Мать как символ собирательства проявляется в нескольких аспектах: собирание семей, разбросанных мобилизацией и вынужденным переселением; собирание гуманитарной помощи материнскими комитетами; собирание исторической памяти — преемственность от матерей, переживших Великую Отечественную войну, к матерям участников СВО.

Мать как воплощение соборности проявляется через общенациональное единство, межпоколенческую связь и церковно-государственное взаимодействие. Как отмечает Е.Ю. Воробьева, «образ Родины-Матери является проявлением основных характеристик архетипов Матери-Сырой-Земли и Богоматери. Это позволяет сделать вывод об онтологичности архетипа Матери, сопряженного с самим существованием цивилизации и культуры России» [8, с. 4].

Мать как символ целостности осмысливается через территориальную целостность (образ матери-Родины, объединяющей все регионы, включая новые территории), целостность традиционных ценностей (материнство как ядро традиционной семьи) и целостность человеческой жизни (защита материнства и детства как основа сохранения народа).

5.4. Трансформация медийного образа

В октябре 2025 года вице-премьер Татьяна Голикова призвала менять образ матери и отца в кино и телешоу, отказываясь от стереотипов, «в которых матери выглядят уставшими и перегруженными, а отцы — отстраненными и пассивными». По ее словам, задача — «менять культурный и эмоциональный контекст, в том числе через медиа».

Как показывают данные ВЦИОМ, 86% россиян считают материнство трудной работой, а 39% уверены, что быть матерью сегодня сложнее, чем 20 лет назад. Особенно показательны, что 92% молодежи говорят о трудности материнства, хотя большинство из них еще не имеют собственных детей — это свидетельствует о трансляции страхов через информационную среду.

Глава 6. Проблемы материнства в современной России

6.1. Объективные проблемы

К объективным проблемам современного материнства в России относятся:

Экономические: долговая нагрузка (1,65 трлн рублей просрочки россиян по кредитам, 40% приходится на женщин), задолженность по алиментам (1,5 млн неплательщиков, долг 168 млрд рублей), разрыв в оплате труда (около 30%), недостаточность пособий.

Трудовые: дискриминация при приеме на работу беременных, проблемы при возвращении из декрета, невозможность совмещения работы и воспитания детей при отсутствии гибкой занятости.

Социальные: ослабление традиционных форм поддержки (многопоколенная семья), инфраструктурные проблемы (переполненные детсады, очереди к педиатрам), недостаток кризисных центров для женщин.

6.2. Субъективные проблемы

Согласно данным ВЦИОМ, в вопросе о том, что такое материнство — предназначение или личный выбор женщины, — общество разделилось практически поровну: 48% считают это предназначением, 46% — личным выбором. При этом наблюдается глубокий поколенческий разрыв: среди старшего поколения 71% считают материнство предназначением, среди молодежи 73% — личным выбором.

Как отмечает эксперт ВЦИОМ Татьяна Смак, «мы наблюдаем ценностный переход в восприятии материнства: от традиции долга к культуре осознанного выбора». Этот переход создает внутреннее напряжение: молодые женщины хотят воспринимать материнство как осознанное решение, но сталкиваются с общественными ожиданиями.

Кроме того, «цифровизация привела к тому, что модели воспитания и ухода за ребенком перестали быть областью исключительно личного и семейного опыта. Мать постоянно находится в поле "экспертных" оценок, рекомендаций и часто противоречивых советов, что создает повышенную психологическую нагрузку».

Глава 7. Ценности, сохраняемые Россией

По данным ВЦИОМ, 84% россиян поддерживают сохранение традиционных семейных ценностей, культуры материнства и отцовства (рост на 7 п.п. по сравнению с 2023 годом). 88% убеждены, что в семье должны быть дети, а 49% считают, что в идеальной семье должно быть трое и более детей (рост на 15 п.п. за последние годы). Более 80% уверены, что отцы должны активно участвовать в воспитании детей.

Как отметил директор департамента политических исследований ВЦИОМ Михаил Мамонов, «семья становится маркером личного успеха». Поддержка семьи является приоритетом национальных целей развития до 2036 года. Вице-спикер Госдумы Анна Кузнецова сообщила, что в 2026 году на «семейно-детский бюджет» будет направлено почти 4 трлн рублей — почти 9% всех расходов федерального бюджета.

7.1 Сравнительная таблица: Эволюция архетипа матери в России и его генетическая преемственность в государственной политике

Период	Ключевые образы и символы	Характеристика архетипа	Роль женщины/ матери	Отношение государства/ общества	Что сохранилось генетически в современной политике
Языческая Русь (до X в.)	Мать-Сыра-Земля, рожаницы, Баба-Яга	Амбивалентность: источник жизни и смерти; сакральная связь с плодородием; мать как прародительница рода	Хранительница очага, продолжательница рода, участница обрядов плодородия	Культ предков, почитание женских божеств; общинная регуляция	Архетипическая связь матери с землёй, природой, жертвенностью; понимание материнства как сакральной функции
Православная Русь (X–XVII вв.)	Богородица, Параскева, Пятница, святые жены	Заступница, скорбящая, милосердная; синтез языческих и христианских представлений	Воспитательница детей в вере, хранительница нравственных устоев; подчинение мужу, но духовный авторитет	Церковь формирует идеал «доброй матери»; государство поддерживает патриархальную семью	Идея матери-заступницы, покровительницы («Матушка Россия»); ценность жертвенной материнской любви
Советский	Родина-мать,	Героизация	Участница социалист	Государственная	Патерналистская забота

Период	Ключевые образы и символы	Характеристика архетипа	Роль женщины/ матери	Отношение государства/ общества	Что сохранилось генетически в современной политике
период (1917–1991)	мать-героиня, мать-общественница	материнства; соединение функций труженицы и воспитательницы; двойная нагрузка	ического строителя; мать будущих строителей коммунизма	поддержка (пособия, ордена), но и контроль; провозглашение равноправия при сохранении традиционной роли	государства о материнстве (пособия, награды); образ матери как символа единства народа
Постсоветский период (1991–2006)	Кризис идентичности; западные образцы (домохозяйка, сексуальный объект)	Деконструкция советского архетипа; конфликт традиции и модернизации; индивидуализация выбора	Мать как самостоятельная личность, перед выбором: карьера или семья; рост числа неполных семей	Снижение государственной поддержки; влияние массовой культуры; рост общественной дискуссии о роли матери	Ценность личного выбора матери; осознание необходимости государственного участия в поддержке семьи
Современная Россия (	Возврат к традиционным ценностям	Синтез советских и православных	Мать как опора семьи, активная	Государственная поддержка (маткапитал,	Сакрализация материнства,

Период	Ключевые образы и символы	Характеристика архетипа	Роль женщины/матери	Отношение государства/общества	Что сохранилось генетически в современной политике
2007–2025)	м; Родина-мать, мать-героиня (в новых формах); собирательница, защитница	ных элементов; акцент на многодетности, соборности, защите Родины	участница демографической политики; символ национального единства	льготы); трансформация медийного образа; использование архетипа в политике идентичности	понимание его как онтологической основы нации; сочетание материальной помощи с символическим конструированием; идея «матери-защитницы» в контексте СВО

Генетическое ядро архетипа, сохранившееся в государственной политике:

- Сакральный статус матери как источника жизни и хранительницы рода (от Матери-Земли до Родины-матери).
- Амбивалентность: мать одновременно дарит жизнь и принимает смерть (актуально в военной риторике).
- Жертвенность и служение как высшие добродетели матери.
- Связь материнства с территорией и народом (собирательство, соборность).
- Государственное поощрение материнства (от наградных систем до материнского капитала) как продолжение древней традиции общественной поддержки рожениц и многодетных.

- Образ матери-защитницы, актуализирующийся в периоды внешних угроз (войны, СВО).

Глава 8. Экзистенциальные и социальные конфликты материнства: универсальные проблемы и противоречия

Материнство, будучи фундаментальным онтологическим основанием человеческого бытия, одновременно является пространством напряженных внутренних и внешних конфликтов. Каждая женщина, становясь матерью, вступает в сложное поле противоречий: между биологическим и социальным, индивидуальным и родовым, свободой и ответственностью, самореализацией и самопожертвованием. Как отмечает Е.С. Мордас, современные реалии приводят к необходимости переосмысления опыта и понимания материнства на всех уровнях социально-исторического бытия [14, с. 24]. В данной главе на основе междисциплинарного подхода рассматриваются универсальные проблемы и конфликты, с которыми сталкивается каждая мать, независимо от культурно-исторического контекста, при сохранении фокуса на российской специфике.

Следуя методологии Н.С. Розова в интерпретации Е.С. Мордас, анализ проблем материнства целесообразно проводить на четырех уровнях: биотехносфера (репродуктивное здоровье, физические аспекты), психосфера (внутренние конфликты, мотивы, ценности), культуросфера (культурные стереотипы, ожидания, репрезентации) и социосфера (социальные роли, институты, политики) [14, с. 23]. Такой подход позволяет представить целостную картину конфликтного поля материнства.

8.1. Проблема самоидентичности: между «предназначением» и «выбором»

8.1.1. Кризис идентичности как вызов современности

В контексте стремительно меняющихся условий человеческого бытия проблема самоидентичности стала одной из наиболее обсуждаемых в современном междисциплинарном научном дискурсе (З. Бауман, У. Бек, Е.В. Лысак, Е.Т. Соколова, В.С. Степин, А. Тоффлер, А.Ю. Шеманов и др.) [15, с. 1]. Материнская самоидентичность является основным предметом осмысления в связи с кризисными процессами современной семьи и проблемами материнства: низкой рождаемостью, девиантным материнством, ролевыми конфликтами [15, с. 1].

Как отмечает Е.Т. Соколова, «высшей ценностью становится свобода маневра и личного произвола в "переиздании" и произвольном конструировании своего Я» [18, с. 146; цит. по: 15]. Э. Тоффлер подчеркивает, что «миллионы индивидов напряженно ищут собственную идентичность <...> чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный порядок» [20, с. 502; цит. по: 15]. Развитие информационных и биотехнологий усиливает проблему кризиса самоидентичности вплоть до утраты границ Я в интернет-сетях и неподвластного манипулирования [15].

8.1.2. Структура материнской идентичности

В соответствии с идеями Э. Эриксона, выделяют личностную идентичность (Эго-идентичность) и социальную (групповую идентичность). Личностная идентичность связана с экзистенциально-эмоциональным переживанием своего соответствия или несоответствия идеалу, принятому в референтной для личности группе. Она включает:

- **телесную самоощущенность** — переживание своего тела как «своего» после беременности и родов;
- **душевно-духовное самопринятие** — соответствие нравственным ценностям и установкам;
- **поведенческое самоосуществление** — соответствие поступков норме или эталону [15].

В структуре женской самоидентичности современные исследователи выделяют: телесность, сексуальность, партнерство, материнство и профессиональную деятельность [15]. Конфликт между этими составляющими — источник глубинного внутреннего напряжения.

8.1.3. Поколенческий разрыв: от предназначения к выбору

Данные ВЦИОМ, приведенные в предыдущих главах, фиксируют фундаментальный сдвиг: среди старшего поколения 71% считают материнство предназначением женщины, среди молодежи 73% — личным выбором. Этот «ценностный переход» (Т. Смак) создает внутреннее напряжение: молодые женщины хотят воспринимать материнство как осознанное решение, но сталкиваются с общественными ожиданиями и давлением.

Как отмечается в исследовании материнской самоидентичности, «на протяжении XIX столетия шел процесс медленного освобождения от Высшего контроля и суда со стороны Бога, группового сообщества, а затем и личностного самоконтроля. "Если Бога нет, то все дозволено", — написал об этом Ф.М. Достоевский. Если истоки современных проблем закладывались в XIX веке, то неистовый темп их созревания наступил только сейчас» [15].

8.2. Конфликт личных границ: растворение себя в материнстве

8.2.1. Феномен «растворения»

Психолог Марина Рябина описывает универсальный опыт, знакомый большинству матерей: «Помню тот день, когда мое материнство началось — с первого осознания: моя жизнь больше не принадлежит только мне. Эта была новая, незнакомая мне реальность. Я, привыкшая планировать свое время, ставить цели, иметь личное пространство, растворялась в кормлении, в укачивании, в заботе о малышах» [22]. Это ощущение, что личные границы — те невидимые линии, которые определяют, где заканчиваешься ты и начинаются другие, — каким-то образом растворились [22].

Феномен «растворения» проявляется множеством способов:

- **Отсутствие времени для себя** — каждая минута, каждая капля энергии посвящена потребностям ребенка. Увлечения отходят на второй план, дружеские отношения трудно поддерживать.

- **Отчуждение тела** — возникает глубокое ощущение, что тело больше не принадлежит полностью. От беременности и родов до грудного вскармливания и постоянных прикосновений стираются привычные границы физического пространства и личной автономии [22].
- **Утрата прежних интересов** — то, что раньше зажигало вне материнства, кажется тусклым и неважным. Все разговоры крутятся исключительно вокруг ребенка, внутренний мир сужается [22].

8.2.2. Норма и патология: границы слияния

Важно понимать, что сильная сосредоточенность матери на ребенке в самом начале — нормальна и естественна. Как отмечает Дональд Винникотт, «достаточно хорошая мать» в начале жизни ребенка как бы сливается с ним, и это нормально [22]. Джон Боулби в теории привязанности подчеркивал, что ребенку важно чувствовать, что мать рядом и доступна [22].

Однако полное разрушение личных границ опасно. Здоровые границы необходимы для поддержания чувства собственного достоинства, построения доверия и развития здоровых отношений. Без них женщина становится уязвимой к выгоранию, стрессу, чувству вины и потере себя [22]. Как подчеркивает Эрих Фромм, эмоции матери передаются ребенку — как любовь, так и тревога. Поэтому забота о себе и сохранение границ важны не только для женщин, но и для их детей [22].

8.2.3. Истоки нарушения границ

Легкость, с которой личные границы растворяются в материнстве, часто связана с паттернами, унаследованными от собственных семей. Л.С. Выготский и Ю.Б. Гиппенрейтер подчеркивали, как стиль родительского общения формирует личность ребенка и его способность выстраивать отношения в будущем [22].

Одним из значительных факторов является **слияние** — в семьях, где границы размыты или отсутствуют, присутствует нездоровый уровень эмоциональной зависимости. Вырастая в такой среде, женщина может безусловно верить, что жертвовать своими потребностями — это нормально или даже необходимо. Установление границ в этом контексте может ощущаться как предательство семьи [22].

Многие женщины с детства несут чувство вины и обязательств, так как их учили, что семейные интересы важнее личных потребностей. Фразы, слышанные в детстве, внушали мысль, что отказать семье — это проявление эгоизма. Такая установка значительно осложняет возможность уделять внимание своему времени, энергии и отдельной идентичности в материнстве [22].

8.3. Экзистенциальный конфликт: материнский дефицит и травма

8.3.1. Понятие материнского дефицита

Бетани Уэбстер в книге «Обретение внутренней матери» вводит понятие **материнского дефицита** — разницы между тем, в чем человек нуждался от матери, и тем, что реально от нее получал [19]. Этот дефицит может вызывать боль и уменьшать способность любить себя, что приводит к низкой самооценке; мешать уверенности, что человек в

безопасности, что приводит к тревожности; и мешать истинной самореализации, что приводит к депрессии [19].

Если ничего не делать с материнским дефицитом, потребность в материнской любви будет бессознательно проецироваться на окружающих, предметы, ситуации и события, что может вызвать проблемы в отношениях, профессиональной сфере и самовосприятии [19].

8.3.2. Трансгенерационная передача

Уэбстер подчеркивает: «Только травмированные женщины осознанно или бессознательно унижают других женщин. Мы можем показать им, что бывает иначе» [19]. Если мать не проработала свою боль и не примирилась с жертвами, которые ей пришлось принести, к ее материнской поддержке будут примешиваться другие послы, незаметно провоцирующие в дочери чувство вины, ответственности и стыда [19].

«Что бы вы ни делали ради матери, этого никогда не будет достаточно, потому что то, что ей нужно, невозможно найти извне — это находится внутри. Искать это в другом месте бессмысленно» [19]. Большинство взрослых дочерей следуют распространенному примеру, испытывая компульсивную потребность спасти, исправлять и исцелять своих матерей [19].

8.3.3. Экзистенциальные последствия

Е.С. Мордас, исследуя психологическую природу женского психогенного бесплодия, выявляет аспекты психогенеза, связанные с образом матери: деструктивность, отрицание женственности, нарушение идентификации с матерью, идентификация с «мертвой матерью», трансгенерационная передача, бессознательные конфликты [14]. Эти глубинные процессы могут блокировать саму возможность материнства.

Л.А. Баркова указывает на ложные мировоззренческие установки, препятствующие успешной реализации феномена материнства: прагматическая модель «комфортного материнства», материалистическо-монистическая модель, рассматривающая материнство как сугубо биологический феномен, киборг-антропология, влекущая появление новых форм материнства [21, с. 91].

8.4. Ролевой конфликт: между семьей, работой и самореализацией

8.4.1. Историческая эволюция ролевого конфликта

Сравнение культурно-исторического контекста XIX века и современности позволяет выделить изменения, повлиявшие на ролевой конфликт матери:

- **характер цивилизационного развития:** от нарастающей модернизации и индустриализации XIX века к постмодерну и постиндустриализму современности;
- **ценностно-смысловые основания:** от медленно трансформируемых православных ценностей к моральному релятивизму, деконструкции традиций и доминированию рыночных интересов;
- **традиции человеческой солидарности:** от христианской соборности к эгоцентризму и диктату индивидуального благополучия;

- **положение семьи:** от медленного разрушения большой семьи к признанию возможности отмирания традиционного института семьи [15].

8.4.2. Советское наследие: двойная нагрузка

Как отмечалось в предыдущих главах, советский проект породил феномен «двойной нагрузки»: «"Освобождение и равноправие", которое было заявлено в 1920-е гг., вскоре, по сути, превратилось в оправдание двойной нагрузки — оставаясь ударницей и общественницей, она должна была соответствовать идеалу здоровой матери здорового ребенка» [4, с. 130].

Это наследие сохраняется в постсоветской культуре, создавая устойчивое ожидание, что женщина должна «все успевать и все уметь, всего добиваться сама и активно реализовывать те возможности, которые предоставила ей советская власть» [4, с. 130].

8.4.3. Современное измерение: «проектное материнство»

Эксперт ВЦИОМ Татьяна Смак указывает на качественно новый фактор: «Цифровизация привела к тому, что модели воспитания и ухода за ребенком перестали быть областью исключительно личного и семейного опыта. Мать постоянно находится в поле "экспертных" оценок, рекомендаций и часто противоречивых советов, что создает повышенную психологическую нагрузку».

Современная мать выполняет значительно более широкий набор социальных функций: «От нее ожидается не только традиционная забота о здоровье и благополучии ребенка, но и активное участие в его образовании, организации досуга (обязательно полезного), развитии всевозможных навыков. Фактически, материнство превратилось в проектную деятельность, требующую навыков менеджера, логиста и тьютора одновременно» [22].

8.5. Конфликт репрезентаций: между идеалом и реальностью

8.5.1. Образ «хорошей матери» как источник вины

Культурные стереотипы создают недостижимый образ «идеальной матери», который, по словам доктора Сары Аллен, заставляет женщин ставить материнство на первое место и часто забывать о себе. Нужды ребенка считаются важнее собственных границ и потребностей матери [22].

Г.Г. Филиппова в российской психологии отмечает, что материнство — сложное явление, важное как для ребенка, так и для самой женщины. Л. Шнейдер указывает, что сегодня подходы к материнству меняются, но идеи о том, что мать должна жертвовать собой, всё ещё сильны [22].

8.5.2. Стигматизация и ярлыки

Сетевое общество порождает новые формы стигматизации матерей. Как отмечает Ж.Е. Вавилова в статье «"Яжемать": обесценивание материнства в сетевом обществе», уничижительный ярлык «яжемать» служит инструментом обесценивания материнского опыта и дискредитации женщины, публично предъявляющей свои материнские права и

интересы ребенка [16]. Этот феномен отражает глубинное противоречие: общество одновременно требует от матери полной самоотдачи и высмеивает ее за эту самоотдачу.

8.5.3. Медийный образ и реальность

Как отмечалось в главе 5, Татьяна Голикова в октябре 2025 года призвала менять образ матери и отца в кино и телешоу, отказываясь от стереотипов, «в которых матери выглядят уставшими и перегруженными, а отцы — отстраненными и пассивными». Однако за этим призывом стоит признание того, что доминирующий медийный образ не соответствует ни идеалу, ни реальности, создавая когнитивный диссонанс.

8.6. Конфликт в семейной системе: насилие и деструктивные паттерны

8.6.1. Насилие в семье как вид насилия

Е.С. Мордас, интегрируя социологический и психоаналитический подходы, исследует феномен насилия в семье. Согласно Р. Коллинзу, насилие слабых — один из видов насилия [14]. Аффективное поле, доминирование, контроль и подчинение — признаки насильственного взаимодействия. Семья — пространство, где разворачивается ситуация насилия [14].

Характеристики ситуации насилия по Р. Коллинзу: аффективное поле, доминирование и навязывание воли, подчинение, конфронтация, напряжение, страх, паника, контроль [14].

8.6.2. Материнская перверсия

Мать — фигура, обладающая властью. В материнской роли она может реализовывать свои деструктивные желания и разрешать конфликты (Э. Уэллдон, А. Моц) [14]. Мордас формулирует положение о том, что насилие есть форма выражения материнской перверсии: деструктивные желания матери, ненависть (Э. Уэллдон, А. Моц, Р. Столлер), зависимость, беспомощность, садомазохизм (С. Коэн), инцест (Э.Д. Шарфф), симбиоз (Ж. Бержере, М. Малер, J.F. Masterson, D.B. Rinsley) [14].

Насилие — отражение истории жизни человека; возможно в ситуации патологической зависимости одного субъекта от другого. Здоровая форма зависимости предполагает способность быть в близких отношениях со значимым Другим — то, что становится трудностью для современного человека [14].

8.6.3. Другие формы семейного насилия

Мордас указывает на другие варианты насилия в семье: насилие при заботе о больных, пожилых людях и в отношениях между супругами (зачастую насилие над женщинами, покорность женщины) [14]. Эти формы насилия создают среду, в которой материнство становится травматическим опытом.

8.7. Конфликт симбиоза и сепарации: психология ранних отношений

8.7.1. Симбиотическая фаза

Маргарет Малер, Анни Бергман и Фред Пайн в классическом труде «Психологическое рождение человеческого младенца» описывают процесс сепарации-индивидуации. На ранних этапах мать и ребенок находятся в симбиотических отношениях, что является нормой развития. Однако «размытая идентичность матери во внешнем мире достаточно часто совпадает с тенденцией с ее стороны реагировать враждебно на своего отделившегося и проявляющего все больше самостоятельности ребенка» [17].

8.7.2. Кризис воссоединения

Период от 18–20 месяцев до года и позднее Малер называет «кризисом воссоединения». Конфликты возникают из-за того, что, с одной стороны, дети «хотели быть великими, всемогущими и отдельными, но при этом нуждались в матери для магического выполнения своих желаний, без осознания того, что помощь, на самом деле, приходит извне» [17].

Ребенок демонстрирует «быстрым чередованием желаний оттолкнуть мать прочь и прильнуть к ней», пытается «использовать мать как продолжение Я, отрицая таким образом болезненное осознание отдельности» [17]. Для матери этот период становится испытанием ее способности выдерживать амбивалентность ребенка, не отвечая на нее ни отвержением, ни симбиотическим слиянием.

8.7.3. Сепарационная тревога

Характерным проявлением конфликта является «внезапный страх, что мать ушла, хотя она даже не поднималась со стула» [17]. Этот страх отражает глубинную зависимость ребенка и одновременно — тревогу матери по поводу собственной сепарированности. Способность матери выдерживать сепарацию ребенка, не разрушаясь и не разрушая, — ключевое условие здорового развития.

8.8. Объективные социально-экономические проблемы

8.8.1. Экономические проблемы

Как подробно рассматривалось в главе 6, объективные проблемы включают:

- **Долговую нагрузку:** общая просрочка россиян по кредитам достигла 1,65 трлн рублей, 40% приходится на женщин.
- **Алиментные долги:** 1,5 млн неплательщиков, общий долг 168 млрд рублей.
- **Разрыв в оплате труда:** около 30% за одну и ту же работу.
- **Недостаточность пособий:** пособие по уходу составляет лишь часть заработной платы.

8.8.2. Трудовые проблемы

- Дискриминация при приеме на работу беременных
- Проблемы при возвращении из декретного отпуска
- Невозможность совмещения работы и воспитания детей при отсутствии гибкой занятости

8.8.3. Инфраструктурные проблемы

- Переполненные детские сады (до 40 человек в группе)
- Очереди к педиатрам по 4-7 дней
- Недостаток доступных яслей

Л.А. Баркова указывает также на проблему «акушерской агрессии» как угрозу материнству, связанную с прагматической моделью родовспоможения [21, с. 93].

8.9. Пути преодоления: восстановление целостности

8.9.1. Психотерапевтическая работа

Бетани Уэбстер предлагает путь исцеления: «Выход — оплакать детскую беспомощность и призвать вполне естественное взрослое возмущение тем, что случилось с вами раньше. Чем дольше мы откладываем эту внутреннюю работу, тем чаще в нашей жизни будут возникать ситуации, в которых мы чувствуем себя беспомощными, как в детстве» [19].

«Строгое равновесие между состраданием и сепарированностью — вот что мы должны чувствовать во всех отношениях. Прочные границы и ограничение взаимодействия с неосознанными людьми — разновидность заботы о себе» [19].

8.9.2. Восстановление границ

Психолог Марина Рябина подчеркивает важность восстановления личных границ как условия не только психического здоровья матери, но и благополучия ребенка. Исследования показывают, что материнский стресс и депрессия могут негативно сказываться на раннем развитии детей. Когда мама эмоционально истощена, ей трудно быть внимательной и чуткой, что может повлиять на привязанность и развитие ребенка [22].

8.9.3. Переосмысление эталона материнства

Как отмечается в исследовании материнской идентичности, «учитывая требования многообразия и многовариантности, диктуемые методологией постнеклассической науки, необходимо переосмыслить современные представления об эталоне материнства и о ролевом конфликте как главном препятствии его развития, предложить компромиссные пути формирования материнской идентичности сегодня» [15].

8.10. Конфликтогенность материнства: источник и проявление социальных противоречий

Материнство как феномен обладает внутренней конфликтогенностью, то есть способностью порождать, усиливать и фокусировать социальные, психологические и культурные противоречия. Эта конфликтогенность проистекает из самой природы материнства, соединяющей биологическое и социальное, индивидуальное и коллективное, сакральное и профанное. Как отмечает Е.С. Мордас, «современные реалии приводят к необходимости переосмысления опыта и понимания материнства на всех уровнях социально-исторического бытия» [14, с. 24], и именно конфликтогенность становится тем узловым пунктом, где сходятся различные дискурсы и практики.

8.10.1. Конфликтогенность на макроуровне: государство и общество

На макроуровне материнство выступает ареной столкновения интересов государства, общества и личности. Государство, реализуя пронаталистскую политику, стремится использовать материнский потенциал для решения демографических проблем, что порождает противоречие между репродуктивными обязанностями и личной свободой женщины. Как показано в главе 5, государственная политика после 2007 года, особенно в контексте СВО, активно конструирует образ матери-защитницы, матери-собираательницы, что может вступать в конфликт с индивидуальными жизненными стратегиями.

Ж.Е. Вавилова в исследовании феномена «яжемать» указывает на ещё один аспект конфликтогенности: сетевое общество порождает новые формы стигматизации матерей, когда женщина, публично предъявляющая свои материнские права, подвергается обесцениванию и насмешкам [16, с. 130]. Этот феномен отражает глубинное социальное противоречие: общество одновременно требует от матери полной самоотдачи и агрессивно реагирует на любые формы проявления этой самоотдачи в публичном пространстве.

8.10.2. Конфликтогенность на мезоуровне: семья и ближайшее окружение

Внутри семейной системы материнство часто становится источником конфликтов между поколениями, супругами, родственниками. Трансгенерационная передача материнского дефицита, описанная Бетани Уэбстер, создаёт почву для межпоколенческих конфликтов: «Только травмированные женщины осознанно или бессознательно унижают других женщин» [19, с. 45]. Дочь, не получившая достаточной материнской любви, может либо повторять деструктивные паттерны, либо вступать в открытую конфронтацию с матерью.

Конфликтогенность проявляется и в отношениях с партнёром: традиционное распределение ролей (мать – основной воспитатель) часто вступает в противоречие с современными ожиданиями равного партнёрства. Как отмечают Э.Р. Фахрудинова и В.В. Суворов, «попытки сохранить идею равенства полов и поддержки женщины-работника и женщины-матери, восходящие к марксистской философии, приводят к развитию крайних форм отношения к материнству» [9, с. 1408], что усиливает конфликтный потенциал семейных отношений.

8.10.3. Конфликтогенность на микроуровне: внутриличностные противоречия

На уровне личности матери конфликтогенность выражается в экзистенциальных дилеммах, подробно рассмотренных в предыдущих параграфах: между предназначением и выбором, между заботой о себе и заботой о ребёнке, между профессиональной самореализацией и материнством. Эти дилеммы обладают высоким конфликтогенным потенциалом, поскольку не имеют однозначного решения и требуют постоянного переосмысления.

Психолог Марина Рябина подчёркивает, что именно неспособность выдерживать эти противоречия приводит к эмоциональному выгоранию, депрессии и хроническому чувству вины [22]. Конфликтогенность внутреннего мира матери усугубляется давлением культурных стереотипов и «экспертных» оценок, создающих недостижимый образ «идеальной матери».

8.10.4. Конфликтогенность как ресурс и опасность

Важно понимать, что конфликтогенность материнства не является исключительно негативным феноменом. Как указывал Л. Козер, конфликт может выполнять позитивные функции – способствовать адаптации, обновлению, развитию. В этом смысле конфликтогенность материнства выступает двигателем социальных изменений: именно через осознание и артикуляцию конфликтов (например, в феминистском дискурсе) происходит трансформация гендерных ролей, расширение прав и возможностей женщин.

Однако неразрешённые конфликты, связанные с материнством, могут приводить к деструктивным последствиям: росту числа разводов, отказу от деторождения, психическим расстройствам, насилию в семье. Как отмечает Е.С. Мордас, «насилие есть форма выражения материнской перверсии: деструктивные желания матери, ненависть, зависимость, беспомощность» [14, с. 32]. Поэтому понимание природы конфликтогенности материнства необходимо для разработки эффективных мер поддержки семьи и профилактики семейного неблагополучия.

8.10.5. Конфликтогенность и государственная политика

Современная российская государственная политика сталкивается с необходимостью учитывать конфликтогенность материнства. С одной стороны, меры материальной поддержки (материнский капитал, пособия) направлены на снижение социально-экономической напряжённости. С другой – символическое конструирование образа матери (награды, медийные кампании) может усиливать конфликтогенность, создавая завышенные ожидания и порождая чувство несоответствия у женщин, не вписывающихся в идеализированный образ.

Как показано в главе 5, выступление Татьяны Голиковой в октябре 2025 года с призывом менять образ матери и отца в кино и телешоу свидетельствует о понимании этой проблемы на государственном уровне. Отказ от стереотипов «уставшей и перегруженной» матери призван снизить конфликтогенность восприятия материнства и создать более реалистичную и поддерживающую медийную среду.

Таким образом, конфликтогенность материнства является неотъемлемым свойством этого феномена, проявляющимся на всех уровнях социальной реальности. Её осознание и учёт необходимы как для индивидуальной психотерапевтической работы, так и для формирования эффективной государственной семейной политики.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. **Архетипическая основа.** Архетип Матери является субстанциальной константой русской цивилизации, проявляющейся в трех основных ипостасях: языческой Матери-Сырой-Земли, христианской Богородицы и светской Родины-матери. Несмотря на все исторические трансформации, глубинные структуры архетипа сохраняют устойчивость [8, с. 4].

2. **Мать на войне.** Тема матери на войне раскрывается через четыре архетипические функции: защитницы (оберегающей детей), благословляющей (провожающей на подвиг), скорбящей (оплакивающей павших) и милосердной (прощающей врага). Наиболее глубокое выражение эта тема получила в повести В.А. Закруткина «Матерь человеческая», где материнское начало оказывается сильнее ненависти [5].
3. **Советский проект.** Советский период стал временем масштабного социального конструирования «новой матери», соединившей функции труженицы, общественницы и матери-героини. При всех противоречиях этого проекта (двойная нагрузка, огосударствление) он опирался на архетипическую основу и сохранял преемственность с традиционными представлениями [4; 9].
4. **Постсоветская трансформация.** После распада СССР произошла радикальная деконструкция советского архетипа под влиянием западной массовой культуры, что привело к кризису идентичности и появлению новых, часто конфликтующих моделей материнства [10, с. 114].
5. **Современная политика.** Государственная политика последних лет (особенно после Мюнхенской речи 2007 года и начала СВО) направлена на восстановление традиционных ценностей и символического статуса материнства через материальную поддержку, медийное конструирование и актуализацию архетипических образов.
6. **Проблемы и противоречия.** Объективные (экономические, трудовые, социальные) и субъективные (поколенческий разрыв, информационная перегрузка) проблемы современного материнства требуют системного решения, сочетающего материальную поддержку, защиту трудовых прав и трансформацию культурных стереотипов. Универсальные экзистенциальные конфликты материнства — проблема самоидентичности, конфликт личных границ, материнский дефицит, ролевой конфликт — могут быть преодолены через психотерапевтическую работу, восстановление границ и переосмысление эталона материнства.

Философский взгляд открывает в материнстве не биологический инстинкт и не социальную роль, а субстанциальную константу культуры — ту первичную реальность, где бытие обретает имя, лицо и безусловную ценность.

Словарь понятий

Амбивалентность архетипа матери — двойственность материнского образа, сочетающего позитивные (жизнь, защита, забота) и негативные (смерть, опасность, пожирание) аспекты. Проявляется в славянской мифологии в наличии как светлых образов (Мать-Сыра-Земля, Богородица, рожаницы), так и темных (Баба-Яга, богинки, русалки).

Архетип Матери — фундаментальная структура коллективного бессознательного (по К.Г. Юнгу), врожденная программа восприятия, основанная на ценностях культуры и воплощенная в мифах, сказках, религиозных верованиях. В русской цивилизации выступает как субстанциальная константа, проявляющаяся в трех основных ипостасях: Мать-Сыра-Земля, Богородица, Родина-мать.

Благословляющая мать — символический тип матери, дающей напутствие, благословляющей на подвиг (особенно на защиту Родины). Актуализируется в периоды войн и исторических испытаний.

Богородица — в православной традиции идеальный архетип матери-заступницы, скорбящей о сыне и защищающей людей. В народном сознании синтезировалась с дохристианским образом Матери-Сырой-Земли, воспринималась как «Защитница и Покровительница Земли Русской».

Двойная нагрузка — феномен советской гендерной политики, при котором «освобождение и равноправие» женщины обернулись необходимостью совмещать производственную деятельность («ударница»), общественную работу («общественница») и воспитание детей («мать»).

Защитница — символический тип матери, стоящей на страже, оберегающей детей и Родину от внешних угроз. Один из ключевых архетипов, воплощенных в монументальной скульптуре постсоветского пространства.

Интенсивное материнство — идеология, сформировавшаяся на Западе во второй половине XX века и проникшая в постсоветскую культуру в 1990-е годы. Требует от матери полной самоотдачи, постоянных консультаций с экспертами, огромных временных и финансовых вложений в ребенка, превращая материнство в «проектную деятельность».

Конфликтогенность материнства — свойство материнства как социального и психологического феномена порождать, усиливать и фокусировать противоречия на макроуровне (государство – общество – личность), мезоуровне (семья, ближайшее окружение) и микроуровне (внутриличностные конфликты). Проявляется в напряжении между биологическим и социальным, индивидуальным и коллективным, сакральным и профанным, традицией и модернизацией.

Материнский капитал — форма государственной поддержки семей с детьми, введенная в России в 2007 году. Важнейший инструмент пронаталистской политики, направленный на стимулирование рождаемости и улучшение качества жизни семей.

Мать-героиня — почетное звание, учрежденное Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 июля 1944 года для матерей, родивших и воспитавших десять и более детей. Символ государственного признания материнского подвига в военный и послевоенный период.

Мать-общественница — эталонный образ советской женщины 1930-1950-х годов, сконструированный государственной пропагандой. Сочетает функции ударницы производства, активной участницы общественной жизни и заботливой матери.

Мать-Сыра-Земля — центральный образ славянской мифологии, персонифицированная земля как всеобщая мать, источник жизни и принимающая мертвых. Восходит к праиндоевропейской древности, сохранял сакральное значение в крестьянской культуре вплоть до XX века.

Мать на войне — комплексный архетипический образ, раскрывающийся через четыре функции: защитницы (оберегающей детей), благословляющей (провожающей на подвиг), скорбящей (оплакивающей павших) и милосердной (прощающей врага).

Метод палимпсеста — исследовательский подход, позволяющий выявить многослойность культурных напластований в архетипических образах, где более поздние исторические формы (советская Родина-мать) сохраняют следы более древних (Богородица, Мать-Сыра-Земля).

Мюнхенская речь (2007) — выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года, обозначившее поворот во внешней политике России и ставшее точкой отсчета для ценностного поворота, в котором традиционные семейные ценности (включая материнство) заняли центральное место.

Объективные проблемы материнства — внешние, системные факторы, затрудняющие реализацию материнских функций: экономические (низкие пособия, долговая нагрузка, разрыв в оплате труда), трудовые (дискриминация, невозможность совмещения работы и материнства), социальные (ослабление традиционной поддержки, инфраструктурные проблемы).

Осознанное родительство — современная модель родительства, при которой решение о рождении детей является результатом свободного выбора, а не следствием социального давления или традиции. Характеризуется высокими требованиями к качеству ухода, образования и развития ребенка.

Параскева Пятница — христианская святая, в народном православии воспринимавшаяся как покровительница женщин и материнства, повивальная бабка. Вобрала в себя черты языческой богини Мокоши.

Пронаталистская политика — государственная политика, направленная на стимулирование рождаемости через систему материальных поощрений, запретительных мер (ограничение аборт) и символического конструирования позитивного образа многодетности.

Рожаницы (суженицы, орисницы) — в славянской мифологии существа женского пола (обычно три), определяющие судьбу ребенка при рождении. Почитались и задабривались, чтобы обеспечить новорожденному благополучную судьбу.

Родина-мать — символический образ, соединяющий архетип матери с образом государства и территории. Получил монументальное воплощение в советской скульптуре (Сталинград, Киев, другие города). В современной политике памяти продолжает выполнять функции сакрализации государства и мобилизации населения.

Собирательство (как функция матери) — архетипическая способность матери объединять, собирать воедино семью, род, народ, территорию. Актуализируется в периоды исторических потрясений (войны, распада, миграций).

Соборность — понятие русской религиозной философии, означающее органическое единство на основе любви и свободы. В применении к материнству указывает на включенность матери в соборное целое — семью, род, народ, Церковь.

Скорбящая мать — символический тип матери, оплакивающей погибших детей. Центральный образ мемориальных комплексов, посвященных жертвам войн.

Субстанциальная константа — философское понятие, обозначающее неизменную, фундаментальную основу бытия цивилизации. Архетип Матери рассматривается как такая константа русской цивилизации, сохраняющая устойчивость при всех исторических трансформациях.

Субъективные проблемы материнства — внутренние, психологические факторы восприятия материнства: поколенческий разрыв в понимании материнства как

предназначения или выбора, информационная перегрузка, «экспертное давление», трансляция страхов через медиасреду.

Традиционные ценности — система ценностных ориентаций, основанная на историческом и культурном опыте народа. В отношении семьи и материнства включают: приоритет многодетности, уважение к материнству, понимание семьи как союза мужчины и женщины, межпоколенческую солидарность.

Хранительница — символический тип матери, оберегающей домашний очаг, сохраняющей традиции и передающей их детям.

Целостность (интегральность) — онтологическое свойство архетипа матери, проявляющееся в представлении о матери как первооснове, начале, источнике, из которого все происходит и к которому все возвращается. В современной политике осмысляется через территориальную целостность, целостность традиционных ценностей, целостность человеческой жизни.

Литература

1. Дидык, М.А. Что философия – «мать всех наук» – говорит о материнстве / М.А. Дидык // Комсомольская правда. — 2024. — 29 ноября. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rostov.kp.ru/daily/27667.5/5017965/> (дата обращения: 14.03.2026).
2. Мать: этимологическая справка // Этимологический словарь. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.l-vs.ru/3324121820172041229723161215/18_28/18124_9.html (дата обращения: 14.03.2026).
3. Пушкина, О.И. Архетип Матери в мифорелигиозной картине мира восточных славян : монография / О.И. Пушкина. — Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. — 139 с.
4. Черепанова, Е.С. Матери в борьбе за мир: советский проект 1970-х годов / Е.С. Черепанова, М.А. Янцен // Гуманитарный университет. — 2024. — № 3. — С. 126–138.
5. Проблема нравственного выбора между мстью и состраданием к врагу на войне по повести «Мать человеческая» В.А. Закруткина // Критика24.ру. — 2022. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kritika24.ru/page.php/www.kritika24.ru/www.kritika24.ru/page.php?id=154581> (дата обращения: 14.03.2026).
6. Публикация научных статей в журналах ВАК: требования, этапы и типичные ошибки авторов // Литературная Россия. — 2026. — № 4. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://litrossia.ru/item/publikaciya-nauchnyh-statej-v-zhurnalakh-vak-trebovaniya-etapy-i-tipichnye-oshibki-avtorov/> (дата обращения: 14.03.2026).
7. Шамарина, Е.В. Культурный смысл материнства в Западноевропейской и отечественной философской мысли : дис. ... канд. филос. наук / Е.В. Шамарина. — Барнаул, 2008. — 175 с.
8. Воробьева, Е.Ю. Архетип Матери как субстанциальная константа социоантропологической метафизики / Е.Ю. Воробьева // Философия и культура. — 2024. — № 11. — DOI: 10.7256/2454-0757.2024.11.70383.
9. Фахрудинова, Э.Р. Философия материнства: от ценностей марксизма к ценностям общества потребления / Э.Р. Фахрудинова, В.В. Суворов // Манускрипт. — 2021. — Т. 14, вып. 7. — С. 1404–1408.

10. Токарева, О.В. Символические архетипы «матери», отраженные в образах скульптуры постсоветского пространства / О.В. Токарева // Обсерватория культуры. — 2024. — Т. 21, № 2. — С. 114–123. — DOI: 10.25281/2072-3156-2024-21-2-114-123.
11. Образ матери в современном обществе // ВЦИОМ. Новости. — 2025. — 28 ноября. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-materi-v-sovremennom-obshchestve> (дата обращения: 14.03.2026).
12. В Госдуме прошло расширенное заседание фракции ЛДПР, посвященное защите материнства: Доклад Председателя ЛДПР Леонида Слуцкого // ЛДПР. — 2025. — 26 ноября. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ldpr.ru/event/v-gosdume-proshlo-rasshirennoe-zasedanie-fraktsii-ldpr-posvyashchennoe-zashchite-materinstva/> (дата обращения: 14.03.2026).
13. Голикова призвала менять образ матери и отца в кино // Новости Mail. — 2025. — 22 октября. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/68435028/> (дата обращения: 14.03.2026).
14. Мордас, Е.С. Онтологические основания материнства / Е.С. Мордас // Философия и культура. — 2024. — № 5. — С. 23–50. — DOI: 10.7256/2454-0757.2024.5.40959.
15. Материнство и проблемы самоидентичности женщины. Историко-педагогический аспект // Современные проблемы науки и образования. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://science-education.ru/article/view?id=21112> (дата обращения: 14.03.2026).
16. Вавилова, Ж.Е. «Яжемать»: обесценивание материнства в сетевом обществе / Ж.Е. Вавилова // Идеи и идеалы. — 2025. — Т. 17, № 1, ч. 1. — С. 129–144. — DOI: 10.17212/2075-0862-2025-17.1.1-129-144.
17. Малер, М. Психологическое рождение человеческого младенца. Симбиоз и индивидуация / М. Малер, А. Бергман, Ф. Пайн. — М.: Когито-Центр, 2011. — 312 с.
18. Соколова, Е.Т. Клиническая психология утраты Я / Е.Т. Соколова. — М.: Смысл, 2015. — 895 с.
19. Уэбстер, Б. Обретение внутренней матери. Как проработать материнскую травму и обрести личную силу / Б. Уэбстер; пер. с англ. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. — 330 с.
20. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — М.: АСТ, 2004. — 781 с.
21. Баркова, Л.А. Угрозы материнству в российском обществе / Л.А. Баркова // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. — 2017. — № 2. — С. 91–99.
22. Рябина, М. Как материнство стирает личные границы — и как вернуть себя: взгляд психолога и мамы / М. Рябина // ПСИХ инфо. — 2025. — 24 июня. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://psych.info/article/vospitanie-detej/kak-materinstvo-stiraet-lichnye-granicy-i-kak-vernut-sebya-vzglyad-psihologa-i-mamy.html> (дата обращения: 14.03.2026).